УДК 069(470.23-25)”1920/30”:008

А. Н. Воронко

Музеи в формировании культурного пространства Ленинграда в 1920–1930-е гг.

Культурное пространство северной столицы является многогранным и сложным феноменом, в истории которого происходили как поступательные, так и кризисные процессы. Город неоднократно возвращал себе право лидера мировой культуры. В статье рассматривается проблемы трансформации культурного пространства Ленинграда в предвоенные годы в контексте формирования музейной сети в центральном сегменте города. Анализируется роль музеев в культурно-интеграционных процессах городской культуры, возрождении культурного центра и культурного пространства всего мегаполиса.

Ключевые слова: культурное пространство, культурное пространство города, культурный центр города, музей, музейная сеть, дворец-музей, музей-выставка

Aleksandr N. Voronko

Museums in the formation of the cultural space of Leningrad in the 1920–1930s.

The cultural space of the northern capital is a multi-faceted and complex phenomenon, in the history of which there were both progressive and crisis processes. The city has repeatedly regained the right to lead the world culture. The article deals with the problems of the transformation of the cultural space of Leningrad in the pre-war years in the context of the formation of the museum network in the central segment of the city. The article analyzes the role of museums in the cultural integration processes of urban culture, the revival of the cultural center and the cultural space of the entire metropolis.

Keywords: cultural space, cultural space of the city, cultural center of the city, museum, museum network, palace-museum, museum-exhibition
DOI 10.30725/2619-0303-2021-4-19-26

Ленинград в 1920–1930-х гг. сохранял за собой статус ведущего культурного центра страны. Под воздействием глобальных политических перемен городское культурное пространство в эти годы стремительно меняло свою архитектонику. И если в период революции 1917 г. произошло смещение политического центра города на окраину, то культурный центр северной столицы, пережив период хаоса и разрухи, начал восстанавливаться в своих прежних границах. В процессе возрождения немалую роль сыграли музеи. Изучение процесса трансформации культурного пространства в контексте строительства музейной сети на ограниченном временном отрезке позволяет представить механизмы создания советской культуры, ее встраивания в культуру прошлого на основе кардинального изменения социально-политических целей.

Традиционно центром Петербурга-Петрограда-Ленинграда считался главный проспект города – Невский и зона нескольких прилегающих к нему и параллельных улиц (Итальянская и Инженерная), а также перекрестков, среди которых наиболее известно пересечение проспекта с Садовой улицей. Самая престижная часть Невского простирается от Адмиралтейства до Литейного проспекта.

Цель статьи – выявить роль музеев в возрождении Невского проспекта как культурной доминанты города и в формировании культурного пространства города в целом; оценить культурный потенциал музеев, расположенных в центральном сегменте города; показать вклад в «приобщение населения к культурным ценностям в рамках развивающейся культурной революции» (в терминологии того времени), т. е. передаче историко-культурной информации.

До революции Невский проспект был деловым, торговым, банковским и культурным центром столицы. В период Гражданской войны Невский, потерявший свое имя и нареченный в ноябре 1918 г. проспектом 25 Октября, потерял и свой блеск. Оживление началось только в 1921 г. в связи с введением нэпа. Возобновилась торговля в Гостином дворе, бывший Елисеевский магазин стал магазином кооператива «Пролетарий». Пассаж превратился в «Универсаль Пассаж», принадлежащий Петроградскому единому по-

требительскому обществу. Только в 1922 г. по проспекту 25 Октября вновь пошли трамваи, которые не ходили с 1919 г. В 1923 г. в бывшем доме купцов Елисеевых открылся кинотеатр, более известный по своему второму названию «Баррикада» (с 1930 г.). Знаменитый ленинградский «Дом книги» в здании компании «Зингер» появится только в 1938 г. Правда, не прекращали своей работы театры, удерживая проспект от полного краха. Театр «Акдрамы», бывший Александринский, благодаря В. Э. Мейерхольду, снискал в эти годы славу «режиссерской Мекки». Проспект 25 Октября медленно и трудно возвращал себе в конце 1920–1930-х гг. былую славу культурного центра города, и в этом процессе немалую роль сыграли музеи.

Музеи на проспекте 25 Октября были явлением массовым, их число во многом превосходило число театров. В 1918–1920 гг. в Петрограде было создано 22 новых музея, всего в эти годы их насчитывалось 67 [1, с. 26, 37]. В 1941 г. в городе работали 60 музеев [1, с. 113].

В довоенный период времени на проспекте находилось 12 музеев (некоторые из них существовали только в начале 1920-х гг.). На близлежащих улицах – Садовой, ул. Ракова (б. Итальянской) и Инженерной находились еще 9 музеев. В Соляном городке на Фонтанке – 3 музея: Педагогический, Сельскохозяйственный и бывший музей Штиглица, переданный в ведение Эрмитажа в 1923 г., с 1935 г. именовавшейся в справочниках сектором художественно-промышленной техники. Можно включить в выбранный сегмент города Морской музей (Центральный военно-морской), расположенный в те годы в здании Адмиралтейства, с которого начиналась перспектива проспекта и Аэро-музей на проспекте Володарского (б. Литейном). Дополним этот перечень музеями на пл. Урицкого (б. Дворцовой), где находились 5 музеев – Дворец искусств, Эрмитаж, Музей революции и Музей Ленинского комсомола, и Музей уголовного розыска, с 1930 г. именовавшейся Ленинградским областным уголовным музеем Рабоче-крестьянской милиции (пл. Урицкого, д. 8). Этот ближний круг и сам проспект 25 Октября насчитывали не мене трех десятков музеев и постоянных выставок (35–40% от числа всех музеев в городе, с небольшими отклонениями в разные периоды времени).

Бум музейного строительства на проспекте начался после революции. Несомненно, что самыми впечатляющими публику музеями были дворцы. Лидерство и по масштабам, и по посещаемости принадлежало Зимнему. 12 ноября 1917 г. дворец, как и Эрмитаж, были объявлены наркомом просвещения А. В. Луначарским государственными музеями. Зимний получил особый устав и стал именоваться Дворцом искусств. Сторонников сохранить Зимний как самостоятельный музей было немало. И он начал работать как музей, открыв исторические комнаты императоров: Николая I, Александра II и Николая II, при этом на притяжении многих лет в путеводителях особо подчеркивалось, что комнаты восстановлены. Комнаты неоднократно передавали от одного музея другому, что было связано с их расположением, они перемежались экспозициями разных музеев [2, с. 77]. В августе 1926 г. комнаты закрыли, это вызвало неоднозначную реакцию как музейного сообщества, так и публики. В 1922 г. Зимний был присоединен к Эрмитажу, которому понадобилось еще боле 25 лет, чтобы стать полновластным владельцем этого здания. В довоенном Ленинграде Зимний еще не ассоциировался с Эрмитажем, туда ходили смотреть как роскошь царской резиденции, так и историю революции. В октябре 1919 г. был создан Музей революции, который занял ряд помещений дворца и уже в январе 1920 г. открыл первую экспозицию. Несколько ранее по инициативе А. Н. Бенуа Эрмитажем была организована первая выставка художественных сокровищ, как из собственного собрания, так и национализированных. За неделю ее посетили около 750 человек. И директор музея С. Н. Тройницкий, говоря о «многочисленности посетителей», подчеркивал, что «выставка вполне отвечает потребностям трудящихся масс» [3, с. 320]. В ноябре 1920 г. в Эрмитаж были возвращены его коллекции, эвакуированные в Москву Временным правительством, и уже 28 ноября открыт зал Рембрандта, а в январе 1921 г. – залы картинной галереи [4. с. 53].

В 1931 г. в Зимнем разместился вновь организованный Всесоюзный музей Ленинского комсомола, открыв к 15-летию организации первую большую выставку. Но судьба его была печальна. В 1936 г. музей закрыт, его экспозиция не выдержала стремительно меняющейся политической линии партии. 1935 г. стал годом политических потрясений для многих музеев: закрытие экспозиций, увольнение и аресты сотрудников. Пострадал и Музей революции, в котором в срочном порядке перестраивалась экспозиция. Стоит отметить, что этот музей был инновационным: столь популярные в те годы диаграммы, таблицы и графики стремился превратить в

двигающиеся макеты, широко применял реконструкции, модели, ростовые фигуры, заказывал живописные полотна. Особенно яркими были экспозиции раздела каторги и ссылки, что поставили музею в вину, поскольку по выразительности они во многом превосходили раздел Октября [2, с. 69].

Летом 1918 г., когда началась кампания по национализации дворцов и художественных коллекций, принадлежащих частным лицам, появился термин музеи-дворцы. Большинство из них превратили в «музеи быта». Во-первых, это был самый простой и быстрый способ превратить жилой дворец в музей – открыть ряд парадных комнат, к ним присоединить картинную галерею, где показывали портреты владельцев дворца и картины из его коллекции. Такими музеями, открытыми в 1919 г., были: Строгановский (Невский, д. 17), Шереметьевский (набережная реки Фонтанки, д. 34) и Нарышкиных-Шуваловых (набережная реки Фонтанки, д. 21). Как музеи они продержались недолго. Строгановский – до 1926 г. и до 1929 г. как филиал Эрмитажа; Нарышкиных-Шуваловых – до 1925 г. Шереметьевский – до 1926 г. и до 1931 г. как филиал Русского музея. В 1935 г. этот дворец вновь стал музеем. Здесь был открыт Дом занимательный науки, который предвосхитил музейные практики XXI в. Его организатор Я. И. Перельман был убежден, что на экспонаты нужно не смотреть, с ними нужно работать. В таком музее не должно быть табличек «Руками не трогать!», «За ограждение не заходить!» [5, с. 123]. Первоначально музей предлагал эти методики для взрослых. Среди его посетителей было немало рабочих и красноармейцев. Но под давлением Музейного совета Культурно-просветительных предприятий Ленинграда в 1940 г. организаторы вынуждены были переориентироваться на детскую аудиторию [6, л. 41, 53].

В Аничковом дворце и дворце Белосельских-Белозерских в 1918 г. был открыт Музей города [5, с. 58]. Дворец Белосельских-Белозерских принадлежал вел. кн. Сергею Александровичу, и осенью 1918 г. в его залах демонстрировалась коллекция принадлежащих ему картин, в последующем частично переданная в Эрмитаж. Часть коллекции была вывезена в особняк на Крестовском острове. Сам дворец быстро превращался в политический центр – в 1918 г. в нем были открыты курсы Красной пропаганды, а в 1920 г. он был передан районному комитету коммунистической партии Центрального (позже – Куйбышевского) района.

Музей города обосновался а Аничковом дворце. Создавался он не как исторический, хотя в его состав вошел Музей старого Петербурга. Он был заявлен как научно-исследовательское и показательное учреждение, которое знакомило с формами устройства городов и условиями жизни в них, архитектурой, внутренним убранством и садово-парковым искусством. Но полностью игнорировать дворец с его убранством устроители не смогли. Здесь по примеру Зимнего дворца были организованы исторические комнаты Александра III и Марии Федоровны, а также отдел, носивший название «сервизный музей» – демонстрировали Сервизную кладовую в бывшем Кухонном корпусе. Кроме того, компромиссом являлось и присоединение к Музею города в декабре 1918 г. Музея Старого Петербурга на правах автономного отдела. Уже в январе 1919 г. была открыта выставка «Виды Петрограда». Интерес к парадным залам дворца, где развернули экспозицию, был столь велик, что только в день открытия ее посетили более 400 человек.

В августе 1920 г. музей перешел из ведения Наркомпроса к Откомхозу – Отделу коммунального хозяйства. Организаторам более важны были отделы социальной гигиены, организационно-экономическая секция, где можно было ознакомиться с финансовой стороной деятельности коммунального хозяйства, в справочном бюро получить консультацию. Петроград-Ленинград переживал реформу перевода жилого фонда из частной собственности к коллективной. Музей был призван содействовать жилтовариществам научиться сохранять домовое хозяйства. Для этого были открыты отделы «Пожарный», «Освещения», «Водоснабжения и канализации» и др. Были организованы кабинеты, где можно было работать со специально подобранной литературой. При музее организовали курсы коммунального хозяйства, которые с годами превратились в самостоятельное учебное заведение – Институт коммунального хозяйства.

В 1923 г. директор музея архитектор Л. А. Ильин, участвовавший в работе Ученого комитета градостроительства при Научном бюро градостроительства Откомхоза Петроградского губернского Совета коммунального хозяйства (Совкомхоза), предложил создать при Музее города Комиссию по перепланировке Петрограда, деятельность которой была одобрена секцией коммунального хозяйства Ленгубсовета. В ноябре 1924 г. было предложено преобразовать Комиссию в Бюро по планировке Ленинграда, которую возгла-

вил Л. А. Ильин. Перед Бюро поставлена задача проектирования нескольких конкретных районов города. С переходом под управление Ленинградского Губоткомхоза в 1925 г. Бюро превратилось в главный градостроительно-проектный орган Ленинграда [7, с. 132–134]. Музей, полностью отвечая заявленной целевой установке, продолжал расширять экспозиции. Так в 1928 г. секция внутреннего убранства жилья обосновалась в еще одном особняке – графини Н. Ф. Карловой (Фонтанка, д. 46), принадлежащим роду герцогов Мекленбург-Стрелицких, также попавшего под национализацию. С этого же года начинаются гонения на музей. В 1928 г. согласно Постановлению СНК и СТО СССР (28.01.1928 г.) Внешторг развернул операцию по экспорту художественных ценностей. Бóльшую часть коллекций дворцов-музеев определили как не относящуюся к «основным музейным коллекциям» (только эти предметы не попадали под постановление о реализации). Л. А. Ильин выступил против ликвидации исторических помещений Аничкова дворца и был отстранен от должности директора. В 1930 г. музей лишился помещений в доме Серебряковых (Фонтанка, д. 35), где располагался с 1918 г. отдел «Старого Петербурга». В 1931 г. концепция музея претерпела изменения – музей долен был показывать не жизнь городов «вообще», а конкретно превращение Ленинграда в образцовый социалистический город, что отразилось и в названии – «Музей социалистической реконструкции города». Кроме того, в Аничковом дворце разместился еще один музей – «Музей-выставка строительства и городского хозяйства».

Дублирование экспозиций было очевидным. В 1934 г. в справочнике «Весь Ленинград» музей получил распространенную в то время приставку «бывший». Выставка же получила статус Государственного музея и была расширена за счет филиала – домика Петра I на Петроградской стороне. Решение Первого Всероссийского музейного съезда (1930 г.), провозгласившего оптимизацию музейной сети, привело в Ленинграде к сокращению числа дворцов-музеев и прежде всего на проспекте 25 Октября. Так Аничков дворец в 1935 г. стал Дворцом пионеров. Музей города был складирован в Соляном городке и только в 1938 г. получил особняк Румянцева (Красного Флота, б. Английская наб., д. 44) и новое название – Музей истории и развития Ленинграда.

Еще один дворец – Инженерный замок – также предоставлял возможность обозреть интерьеры. Здание занимала Военно-инженерная школа, преобразованная в 1926 г. в Военно-техническую академию РККА, и при этом учебном заведении существовал Военно-инженерный исторический музей. Музей знакомил с фортификацией, минным делом, связью, строительством мостов и понтонных переправ. Один из разделов назывался «старина Михайловского замка». Тема исчезла из рекламы музея только в 1932 г., а сам музей был переведен в Москву в 1935 г. в составе Военно-инженерной академии РККА им. В. В. Куйбышева.

В особняке И. И. Шувалова на ул. Ракова (б. Итальянской) в 1918 г. был открыт Музей здравоохранения. Убранства в первозданном виде дворец из-за перестроек не сохранил, в конце XVIII в. был выкуплен в казну и принадлежал Министерству юстиции. Из интерьеров архитектора С. И. Чевакинского, спроектировавшего здание, сохранилась только первоначальная отделка вестибюля, который посетители видели, так же, как и несколько парадных залов, поскольку вход в музей был организован через станцию «Скорой помощи».

Наравне с Эрмитажем Русский музей столь же молниеносно в послереволюционное время стал крупнейшим музеем мира. Уже в 1925 г. его коллекция насчитывала более трех с половиной тысяч картин. Рост музея привел к его реорганизации. В 1934 г. коллекции бытового отдела были переданы в Музей революции, этнографический отдел стал самостоятельным музеем – Государственным музеем этнографии народов СССР. В начале 1930-х гг. музею был передан корпус Бенуа, в котором разместили отдел современного искусства. После убийства С. М. Кирова на втором этаже экспонировалась выставка памяти. На выставке были представлены в основном фотографии и документы, раскрывающие его личность и деятельность. Последний зал организовали как читальню. Здесь можно было читать книги и газеты – все о Кирове [8].

Художественные коллекции были во многих музея города, некоторые экспонаты соответствовали уровню Эрмитажа и Русского музея. Так в Морском музее в здании Адмиралтейства (Центральном военно-морском музее морских сил РККА) хранилась коллекция картин, портретов, графика, скульптура. Но когда музей в 1939 г. переехал в здание Фондовой биржи, в Адмиралтействе можно было обозреть коллекцию картин, принадлежащих Военно-морскому училищу им. М. В. Фрунзе, которое получило здание Ад-

миралтейства в полное распоряжение [9]. В собрании были работы И. К. Айвазовского «Чесменское сражение 24–26 июня 1770 г.», несколько полотен А. П. Боголюбова, А. Коптева, Ф. П. Юшкова, К. В. Круговихина, Ф. Гросса, Г. П. Виллевальде, И. Суходольского. Но в соответствии с веяниями времени более ценными считались: авторизированная копия А. Герасимова «Сталин и Ворошилов в Кремле», М. И. Арилова «Бой у деревни Разбегай 18 октября 1919 г.» (бой, в котором принимали участие курсанты), С. Аникин «Курсанты Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе на стройке Мясокомбината в Ленинграде». Картина С. Аникина представляла образец идеологически выдержанной работы: автор был безупречен – отслужил в РККА в политотделе 7-й армии Петроукрепрайона, объект – Ленинградский мясокомбинат, носивший с 1935 г. имя С. М. Кирова, – был одной из ударных строек Первой пятилетки. Проект архитектора Н. Троцкого выдержан в стиле, получившем название «ленинградского авангарда». Он был величествен композиционно и долго удерживал второе место по масштабам производства в стране.

На фоне масштабного строительства художественных и бытовых музеев музеи театральные, музыкальные и литературные на проспекте 25 Октября выглядели более чем скромно. Некрасовский музей разместился в 1925 г. площади Лассаля (б. Михайловская, ныне Искусств) в Центральной библиотеке политпросвета. История его создания связана с деятельностью В. Е. Евгеньева-Максимова. По его инициативе в 1921 г. к столетнему юбилею поэта при официальной поддержке Политпросвета и при участии Пушкинского Дома Российской академии наук была организована выставка в помещении Дома просвещения Н. А. Некрасова (б. Лиговского народного дома), но по техническим причинам ему пришлось искать новое пристанище. Несмотря на поддержку Политпросвета в 1930 г. музей закрыт, поскольку «не пользовался популярностью» [10, с. 490]. На площади Лассаля при Академической филармонии, разместившейся в 1921 г. в задании бывшего Дворянского собрания, усилиями Н. Ф. Финдензейн нашел приют Музей музыки бывшего Придворного оркестра. С. Л. Гинзбург, его приемник на посту директора, добился в 1931 г. утверждения «Положения о Центральном музыкальном музее СССР», основные фонды которого должны были составить коллекции Музея музыки, разросшегося к этому времени до Музыкально-исторического музея Ленинградской филармонии. Но в 1930-х гг. свободных особняков в Ленинграде уже не было. Известны проблемы с освобождением Мраморного дворца для размещения в нем музея Ленина в 1936 г., хотя после революции Мраморный дворец также был объявлен музеем [4, с. 40; 11, л. 1–6]. Фонды Музея музыки были перевезены в Эрмитаж и стали одним из его отделов – отделом музыкальной культуры и техники. В 1940 г. отдел передали в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии как «Музей научно-исследовательского института театра и музыки» (пл. Воровского, д. 5 – б. Исаакиевская).

В 1928 г. был открыт Музей цирка и эстрады в здании цирка на набережной Фонтанки, д. 3. Его фонды первоначально сложились из личных коллекций Е. П. Гершуни и В. Я. Андреева. Особого помещения не было, музей работал в режиме выставок в фойе здания цирка. Первой была выставка «Хищники в цирке», затем – «Дрессировка животных», далее последовали отдельные жанры: жонглирование, клоунада, конный цирк. Музей стремился рекламировать себя, выпуская каталоги своих временных экспозиций.

Пожертвованиями артистов собирался Музей Государственных академических театров, основанный в 1918 г. До 1925 г. он имел два филиала: музей им. В. В. Протопопова в Чернышевом переулке (ныне – ул. Ломоносова) в двух шагах от центрального музея на пл. Островского (б. площадь Александринского театра) и дом-музей им. М. Г. Савиной на ул. Литераторов, д. 17 (набережная реки Карповки на Петроградской стороне).

Коллекция Протопопова была передана Дирекции императорских театров еще в 1916 г. Документы о передаче дома Савиной от его владельца, мужа актрисы, подписал нарком просвещения А. В. Луначарский. Сохранение этих коллекций было делом престижа советской власти, но материально музей был стеснен и потерял площади. Его экспозиции с начала 1930-х гг. ограничились только бывшей квартирой директора императорских театров (ул. Зодчего Росси, д. 2).

Развитие подобных музеев в довоенном Ленинграде в основном состоялось при поддержке устроителей и профессионального сообщества. С одной стороны, их тематика с трудом поддавалась трансформации в свете политико-просветительной работы, с другой – они не были так важны для престижа советской культурной политики, как Эрмитаж и Русский музей, поэтому их сохранение в ос-

новном зависело от позиции старой петербургской интеллигенции.

Иное отношение было к музеям, демонстрирующим достижения в строительстве социализма. В 1924 г. в задании Международного коммерческого банка на основании положения о промышленно-показательной выставке ВСНХ было открыто Ленинградское отделение Промвыставки. В 1924 г. здесь был выставлен трактор «Фордзон-Путиловец», станкостроительное оборудование, выпущенное ленинградскими заводами, и первая турбина, изготовленная на Металлическом заводе. В 1933 г. выставка получила броское название «ДиП» – «Догнать и перегнать», имелись в виду США. Курировал выставку Наркомтяжпром СССР. Основными разделами стали машиностроение и энергетика, хотя были сохранены отделы химии и легкой индустрии. В 1938 г. здесь можно было видеть первый советский телевизор, работающий в режиме реального времени с камеры, установленной на Невском проспекте. В этом же здании находился в 1925–1928 гг. Музей охраны труда и соцстраха, но его перевели в другое помещение. По инициативе председателя ВСНХ В. В. Куйбышева выставка была расширена [1, с. 74].

Тематические технические выставки были популярны в Ленинграде. В 1925 г. в Михайловском манеже (Манежная пл., д. 2) прошла автомобильная выставка в связи со стартом из Ленинграда Всесоюзного автопробега. В 1931 г. ОСОАВИАХИМ организовал две длительные выставки: «Дирижаблестроения» – проходила в помещениях Аничкова дворца и «Советской авиации» в Гостином дворе. Все вместе они создавали большой технический музей и привлекали немалое число посетителей.

Среди музеев-гигантов проспекта 25 Октября затерялись музеи педагогические. Им не требовалось больших помещений, их экспонаты и экспозиции не имели художественной и материальной ценности. Но их было немало и поскольку в эти годы началось всеобщее обучение как детей, так и взрослых, они проделали важную для своего времени работу. Большинство из них было переформатировано их дореволюционных, созданных общественными усилиями, и прекратило свое существование в послевоенные годы.

На ул. Плеханова, д. 3 (б. Казанской) в служебном корпусе Воспитательного дом (в настоящее время снесен) еще до революции находились Музей ручного труда и Педагогической антропологии. В 1924 г. сюда был переведен музей «Дошкольная жизнь ребенка», который находился в ведении Губсоцвоса и был основан как методический центр Петроградским институтом дошкольного образования (ПИДО), который впоследствии влился в Педагогический институт им. А. И. Герцена (переехал по адресу набережная реки Мойки, д. 48, в непосредственной близости от прежнего местоположения). Музей работал все дни, кроме понедельника, имел читальню, и вход был бесплатным. Он осуществлял большую практическую деятельность через многочисленные кружки по повышению квалификации дошкольных работников. Институт социального воспитания также имел свой музей в двух шагах от проспекта на ул. Толмачева, д. 4 (б. Караванной). Здесь экспонировались работы школ и детских домов по всем видам утвержденных занятий. Работал музей четыре дня в неделю по вечерам и стал наглядной и доступной методической базой для учителей. В Соляном городке (набережная реки Фонтанки, д. 10) размещался старейший в стране Педагогический музей, основанный в 1864 г. В 1918 г. музей был преобразован в Центральный педагогический, ему предоставили дополнительное помещение в особняке принца Ольденбургского (ул. Халтурина, б. Миллионная, д. 1). В связи с сокращением числа музеев в 1924 г. он вошел в состав Государственного института научной педагогики, который вскоре перешел в ведение Педагогического института им. А. И. Герцена. Его также коснулись реформы. В 1934 г. Музей позитивировался как Музей эволюционной теории, и его экспозиции были иллюстрацией теории Ч. Дарвина и научной теории происхождения человека. Оказывал методическую помощь школам, рабфакам, и техникумам. Работал ежедневно и был бесплатным.

Не менее известен был и еще один старейший музей города, основанный был в 1859 г., – Центральный сельскохозяйственный, также занимавший здания Соляного городка (набережная реки Фонтанки, д. 10). После революции его директором стал М. В. Новорусский, в прошлом участник покушения на Александра III, товарищ по террористической организации Александра Ульянова, «шлиссельбургский сиделец», что первоначально способствовало успеху музея, в 1923 г. он наравне с Эрмитажем и Русским получил статус учреждения общесоюзного типа и к названию добавил слово «Центральный». После Первого Всероссийского музейного съезда в 1930 г. последо-

вала реорганизация – новое название «Государственный музей социалистической реконструкции сельского хозяйства» предполагало полную перестройку экспозиции. Хотя на музей в 1935 г. обрушился шквал критики, его экспозиции привлекали посетителей. В залах на холостом ходу демонстрировалась сельскохозяйственная техника – комбайны, сеялки и пр., подобного в то время не было даже в московских музеях.

Декрет СНК 1918 г. об отделении церкви от государства стал началом формирования системы антирелигиозной пропаганды и воспитания. В Ленинграде эта система была воплощена на проспекте 25 Октября в образе Государственного музея истории религии, который входил в систему музеев Академии наук. Музей разместился в оном из прекраснейших зданий центральной магистрали города – Казанском соборе. Открытие состоялось в 1932 г. Как и многие новые музеи Ленинграда, Музей религии вырос из выставки, открытой в 1930 г. в Зимнем дворце к пятилетию Союза воинствующих безбожников.

Но ранее, еще в 1926 г., на ул. Плеханова, д. 2 (почти напротив центрального входа в собор) работал Антирелигиозный музей Губполитпросвета при Центральном доме политпросветработника. Эти два музея олицетворяли два различных подхода к музейному строительству. Первый – исследовательское научное учреждение, в его задачу входило изучать религиозные представления и культы разных народов на протяжении истории человечества. Второй работал как методический центр для оказания помощи лекторам-пропагандистам. В литературе проводится мысль, что музеи в корне отличались. Если судить об экспозиционных возможностях, то отличия очевидны, но заметим, что у них была единая задача – антирелигиозная пропаганда. Казанский собор привлекал ленинградцев как коллекциями, так и приемами экспозиционного показа. Находящаяся в соборе могила М. И. Кутузова вносила определенный элемент патриотизма.

В сегменте города, избранном для изучения, в 1920-е гг. доминировали художественные музеи, которые были представлены в основном дворцами и позитировались как музеи быта. Формируя музейную сеть в послереволюционное время, государство делало ставку на сохранность художественных ценностей. Очевидно, что содержать столь большое число музеев в Петрограде, даже при минимальных затратах, было непосильно. Дворцы-музеи в течение первого десятилетия исчезают с Невского проспекта, и здания передают под нужды различных организаций, чем государство снимает с себя финансовое бремя и одновременно получает возможность беспрепятственно распродать находившееся в них имущество.

В довоенное время непревзойденными по масштабам коллекций стали Эрмитаж и Русский музей. Но и большинство других музеев в избранном для исследования сегменте города, даже не художественных и за сравнительно небольшой отрезок времени, позволяло горожанам сформировать стойкое представление о том, что музей – это дворец внушительных масштабов и необыкновенной красоты интерьеров, хотя в его залах показывают, как устроен водопровод или трамвай, как это было в Музее города. Даже московские музеи не могли состязаться в этом с музеями Петрограда-Ленинграда.

Музеи политической направленности занимали скромное место и не доминировали в избранном для исследования сегменте города. Среди них самым известным был Музей революции. Музей до войны так и не получил самостоятельного здания, его экспозиции были разбросаны по цокольному, второму и третьему этажам Зимнего дворца и от этого страдали фрагментарностью, что снижало воздействие на посетителя. В развитии музеев Невского проспекта в 1930-е гг. делалась ставка на пропаганду успехов строительства социализма и технические достижения, но все усилия, предпринятые в этом направлении, не вышли за пределы постоянных выставок. Ленинград, несмотря на поступательно развивающуюся промышленность, не создал крупного технического музея. Развитие культурно-исторических музеев – в основном заслуга горожан, той части петербургской интеллигенции, которая стремилась сохранить культурные традиции города. Некоторые музеи стремились активно участвовать в строительстве новой жизни, среди них наиболее активны были Музей города и Сельскохозяйственный музей.

В музей сети Невского проспекта самым известным и привлекательным музеем стал Музей религии в здании Казанского собора. Это было единственное превращенное в музей культовое здание на проспекте. Утрата его убранства и могилы М. И. Кутузова имела бы международный резонанс, с этим считались. Архитектура здания, наличие в экспозиции немалого числа художественных произведений, высокий научный уровень подачи

материала отличали его от других музеев данного профиля.

Катастрофическое сокращение населения города в начале 1920-х гг. свело на нет просветительские усилия дореволюционного времени. Наиболее образованная часть пролетариата была потеряна для города из-за массовых мобилизаций в период Гражданской войны, как для службы в армии, так и по заданиям партии. С конца 1920-х гг. рост населения в городе происходил за счет приезжих. Это были крестьяне, в большинстве неграмотные. До конца 1930-х гг. женское и детское население преобладало. Культурно-просветительная работа, развернутая профсоюзами, включала и организацию экскурсий. Значительно в большей степени музеи были задействованы в образовательном процессе. Экскурсионное обслуживание школьников было объявлено первоочередной задачей. Обилие музеев на Невском создавало немало поводов для поездки в центр. Восприятие величия и красоты города – это результат деятельности многих просветительных организаций, и музеи Невского проспекта, благодаря своему местоположению и коллекциям, сыграли в этом немалую роль.

Список литературы

1. Равикович Д. А. Формирование государственной музейной сети (1917–первая половина 1960-х гг.). Москва, 1988. 151 с.

2. Лейкина-Свирская В. Р. Из истории Ленинградского музея Революции // Очерки истории музейного дела в России. Москва, 1961. Вып. 3. С. 55–78.

3. Варшавский С., Рест Б., Билет на всю вечность: повесть об Эрмитаже. Л.: Лениздат, 1981. 496 с.

4. Ильина Г. И. Культурное строительство в Петрограде, октябрь 1917–1920 гг. Л.: Наука, 1982. 240 с.

5. Мишкевич Г. И. Доктор занимательных наук: жизнь и творчество Я. И. Перельмана. М.: Знание, 1986. 190 с.

6. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 276. Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета. Оп. 1. Д. 40: Стенограмма заседания Музейного Совета по обсуждению профиля Дома занимательной науки.

7. Семенцов С. В. Градостроительство Петрограда – Ленинграда: от революционного разгрома 1917–1918 годов к возрождению 1935 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2012. Т. 2, вып. 1. С. 130–143.

8. Лебединский С. П. Выставки памяти С. М. Кирова в Ленинграде // Советский музей. 1936. № 2. С. 15–22.

9. Картинная галерея. 1701–1941 / Высш. воен.-мор. краснознам. училище им. М. В. Фрунзе. Ленинград: Б. и., 1941. [4], 157, [3] с. В настоящее время входят в коллекцию Центрального военно-морского музея (Санкт-Петербург).

10. Битюцкая В. В. В. Е. Евгеньев-Максимов в биографии Музея Некрасова и университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 3. С. 490–493.

11. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 3505. Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина. Д. 1.

References

1. Ravikovich D. A. Formation of the state museum network (1917 – first half of the 1960s). Moscow, 1988. 151 (in Russ.).

2. Leikina-Svirskaya V. R. From the history of Leningrad Museum of the Revolution. Essays on the history of museum affairs in Russia. Moscow, 1961. 3, 55–78 (in Russ.).

3. Varshavsky S., Rest B. A ticket for all eternity: a story about the Hermitage. L.: Lenizdat, 1981. 496 (in Russ.).

4. Ilyina G. I. Cultural construction in Petrograd, October 1917–1920. L.: Nauka, 1982. 240 (in Russ.).

5. Mishkevich G. I. Doctor of entertaining sciences: life and work of Ya. I. Perelman. M.: Znanie, 1986. 190 (in Russ.).

6. Central State Archives of Literature and Art of St.-Petersburg. F. 276. Management of cultural and educational enterprises of Leningrad City Council. Op. 1. D. 40: Transcript of the meeting of the Museum Council to discuss the profile of the House of Entertaining Science (in Russ.).

7. Sementsov S. V. Urban-planning of Petrograd–Leningrad: revolutionary defeat of 1917–1918 to the renaissance of 1935. Bulletin of Saint Petersburg University. Arts. 2012. 2 (1), 130–143 (in Russ.).

8. Lebedinsky S. P. Exhibitions in memory of S. M. Kirov in Leningrad. Soviet Museum. 1936. 2, 15–22 (in Russ.).

9. Art gallery. 1701–1941 / M. V. Frunze Higher Naval Red Banner School. Leningrad, 1941. [4], 157, [3] (in Russ.). Currently included in the collection of the Central Naval Museum (Saint-Petersburg).

10. Bityutskaya V. V. V. E. Evgeniev-Maksimov in the biography of the Nekrasov Museum and the University. Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2017. 14 (3), 490–493 (in Russ.).

11. Central State Archives of Historical and Political Documents of Saint-Petersburg. F. 3505. Leningrad Branch of the Central Lenin Museum. D. 1 (in Russ.).